

Подчинённый Гао Э поднял доклад, разгладил его и, вытерев рукавом своего чиновничьего халата, с осторожностью передал его Гао Э:

— Ваше Превосходительство, вы — важный сановник в государстве. Если вы не посмотрите... я не осмелюсь прочитать.

Гао Э внезапно выразил жестокость на лице, но затем сделал вид, что он устал и бессилен, и медленно поклонился:

— Ваше Величество, вы — высший Сын Неба. То, что вызвало ваш гнев, должно быть делом великой измены. Я — ваш слуга, как могу я смотреть на эти дела, которые противоречат вашей воле? Что бы ни было доложено дворцовыми евнухами, кем бы они ни были, я прошу казнить их, чтобы успокоить гнев Неба и недовольство народа!

Ему было уже за семьдесят, и его внезапно вызвали к императору глубокой ночью. Его седые волосы были растрёпаны, и он дрожал, кланяясь, вызывая жалость. Остальные чиновники, которым было за пятьдесят, тоже прижались лбами к земле, восклицая:

— Мы просим ваше Величество казнить их, чтобы успокоить гнев Неба!

Все, кто обладал властью в государстве, стояли на коленях перед ним, но император Чу, казалось, был не удовлетворён. Он холодно усмехнулся:

— Вы не осмеливаетесь смотреть? Вы умеете сохранять свою безопасность! Князь Шоушань, ты — мой сын, так что ты посмотри, что твой брат натворил!

Князь Шоушань подполз вперёд на коленях, и евнух передал ему секретный доклад, взятый у нескольких сановников. Он глубоко вздохнул и начал читать — и был одновременно потрясён и обрадован!

Император Чу пристально смотрел на него и вдруг засмеялся:

— Говори! Что сделал князь Цзинчэн?

Князь Шоушань с трудом произнёс:

— Князь Цзинчэн, без указа вашего Величества, самовольно казнил пятерых чиновников в области Чжэчжоу... среди них были даже те, кого вы, отец, назначили на важные посты.

В зале воцарилась тишина, только звуки ливня проникали сквозь ночь. Император Чу сказал:

— Так как ты думаешь, как следует поступить с князем Цзинчэном?

Князь Шоушань замешкался, дрожа от холода. Отец потерял голову от гнева, и момент убить князя Цзинчэна был прямо перед ним. Он сжал сердце, встал на колени и, рыдая, сказал:

— Девятый брат... это похоже на измену! Но прошу вас, отец, пощадите его ради того, что он предан народу. Он добился больших успехов в сборе зерна для помощи пострадавшим в Чжэчжоу, его слава растёт не только в Чжэчжоу... его казнь может охладить сердца народа. Наш народ смотрит на него, как сироты смотрят на родителей...

Он не успел закончить, как император Чу ударил его ногой в грудь, сбросив с нефритовых ступеней. Грудь князя Шоушаня словно разорвалась, его лицо стало сине-красным, и каждый вдох и кашель сопровождались кровью. Но он уцепился пальцами за пол, думая: «Это того стоило!» Гао Э резко открыл и закрыл глаза. Князь Шоушань в этот момент своей лестью подписал князю Цзинчэну смертный приговор.

Император Чу закричал:

— Я — отец всех людей в мире! Люди смотрят на князя Цзинчэна, как сироты смотрят на родителей?!

Император Чу знал, что князь Шоушань строит планы, но не смог сдержать гнева, который не испытывал уже тридцать лет. Он был готов издать указ о казни князя Цзинчэна, когда вдруг евнух вбежал с экстренным докладом, низко склонив голову перед чиновниками и принцами, всё ещё стоявшими на коленях. Император Чу быстро пробежал глазами доклад и мрачно усмехнулся:

— Какой же хороший сын у меня, князь Цзинчэн!

Он швырнул доклад, и князь Шоушань, в панике поднявшись, подобрал его. Но, прочитав, он словно потерял все силы.

Князь Цзинчэн, после казни, сам сдался, приказав евнухам сопроводить его в столицу. Его поступок, распространившись, вызовет шок в народе, потрясение в правительстве и бурные обсуждения. Но он не сказал ни слова, только упомянул, что у него есть секретный доклад, который может быть передан только отцу. До его прибытия в столицу никто не мог тронуть его.

Через десять дней состоялся дворцовый совет. Чиновники выстроились по обе стороны, все в ярких одеждах, важные сановники. В золотом зале царила тишина. Император Чу, сидя на троне, насмешливо улыбнулся, и евнух объявил:

— Привести князя Цзинчэна в зал!

В конце зала появился человек. Он всё ещё был одет в роскошные одежды. Хотя он сдался, он был сыном императора, и пока отец не вынес ему приговор, кто осмелился бы надеть на него кандалы? Но ему не позволили войти в зал в официальной одежде, предоставив простую одежду для смены. Месяц спустя после всех событий Сяо Шанли немного похудел. Многие чиновники уже слышали, что император Чу ударил его, и сегодня они впервые увидели, как он носит повязку на лбу. Они подумали: «Слухи оказались правдой».

К счастью, его красота не уменьшилась, и поскольку рана была скрыта, это вызывало ещё больше догадок: насколько велик шрам? Какого он цвета? Это добавило трагической привлекательности. Но почему-то после этого ощущения трагедии они почувствовали холод в сердце и не осмелились произнести ни слова.

Император Чу из-за жемчужной занавески спросил:

— У тебя есть доклад?

Сяо Шанли поклонился:

— Прощу ваше Величество, чтобы чиновники удалились, позвольте мне доложить.

Император Чу окинул взглядом чиновников и сказал:

— В делах императорской семьи нет секретов, доложи здесь.

Князь Шоушань вздрогнул. С тех пор, как он в ту ночь под дождём предстал перед императором, он был полон ненависти и обиды, проболел несколько дней и, едва оправившись, пришёл на совет. Теперь он то холодел, то горячил, почти теряя сознание.

Но князь Цзинчэн сказал:

— Я виновен, виновен в том, что из-за внезапности событий не успел доложить вашему Величеству и казнил виновных чиновников на месте.

Император Чу холодно усмехнулся:

— Ты виновен только в том, что не успел доложить? Мои другие сыновья так не считают. Князь Шоушань, что ты докладывал в тот день?

Князь Шоушань вышел вперёд и поклонился:

— Я... в тот день доложил, что поступок князя Цзинчэна следует считать... изменой!

Эти слова прозвучали как гром, но Сяо Шанли, казалось, уже ожидал этого. Он поклонился и сказал:

— То, что я хочу доложить, как раз об этом. Изменой занимался не я, а казнённые чиновники и... князь Шоушань, который с ними сотрудничал.

Последние два слова были произнесены очень тихо, но князь Шоушань пришёл в ярость и воскликнул:

— Ты!

Но, пытаясь подняться, он услышал голос императора Чу, в котором не было ни гнева, ни радости:

— Продолжай.

Сяо Шанли сказал:

— Когда я прибыл в Чжэчжоу, в государственных складах было только 600 000 даней зерна, а пострадавших от бедствия было более 900 000 человек. Если выдавать по три лян зерна на человека в день, этого хватит меньше чем на десять дней. 600 000 даней зерна по рыночной цене стоят всего 1 800 000 монет, но в управлении Чжэчжоу была партия подарков, подготовленных для князя Шоушаня, стоимостью 3 000 000 монет.

Князь Шоушань почувствовал, будто его ударило молнией, и заплакал:

— Отец! Я невиновен!

Ему было поручено наблюдать за строительством дворца, и эти подарки были подготовлены местными чиновниками для императора Чу, чтобы украсить новый дворец. Князь Цзинчэн намеренно направил обвинения на него, что было крайне коварно. Император Чу, полный гнева, посмотрел на князя Цзинчэна, но на глазах у всех не мог выказать свои чувства, только резко засмеялся:

— Как ты можешь быть невиновен? Разве эти подарки были не для тебя, а для меня?

Князь Шоушань замешкался, упал на колени и, рыдая, сказал:

— Я не осмелюсь! Ваше Величество, рассудите!

Сяо Шанли закрыл глаза, вспоминая всё, что видел и слышал за последний месяц:

— Я... родился в императорской семье и не знал страданий народа. Но, выполняя ваше поручение, я увидел ужасающие вещи. Чжэчжоу называют «рисовой житницей Цзянбэй», и даже там всё так плохо. Вы знаете, господа, что во всех девяти областях Чу, кроме столицы, есть места, где даже без засухи или наводнений у каждого жителя в день меньше трёх ляннов белого риса для еды? А если заменить его грубым зерном, сколько его будет?

Он продолжил:

— То, что я хочу доложить, — это именно это. В государственных складах нет зерна, но есть драгоценности стоимостью 3 000 000 монет, предназначенные для подхалимажа. Если через десять дней помощь прекратится, сначала умрёт часть людей; если в июне не посадить рис, в следующем году урожая не будет, и ещё больше людей умрёт — если это станет известно, возможно, миллионы пострадавших поднимут восстание, и его будет трудно подавить. Если восстанет одна область, восстанут ли другие, где ситуация ещё хуже, чем в Чжэчжоу? Сейчас прошло всего тридцать шесть лет с конца династии Чжоу, и уроки прошлого нельзя забывать. Если страна погрузится в хаос, всё начнётся с Чжэчжоу, и эти преступные чиновники станут вечными предателями Чу. Разве их можно назвать просто «изменниками»?

Он снова поклонился, поднял голову и встретился взглядом с императором Чу из-за жемчужной занавески:

— Я был вынужден, рискуя, казнить этих пятерых. Чтобы быть верным и преданным вашему Величеству.

В зале было так тихо, что можно было услышать падение иголки. Гао Э, сидящий рядом, опустил голову, но его прищуренные глаза излучали холод. Эти слова не могли принадлежать князю Цзинчэну — даже если он обладал добротой Юя и Цзи, он всё же был мужчиной. Как он мог произнести такие слова, полные заботы о страданиях народа? Эта материнская забота не могла исходить от князя Цзинчэна, чиновников, императора Чу или любого другого мужчины, борющегося за власть.

Это должны были быть слова женщины, но они были произнесены князем Цзинчэном в зале, где стояли только мужчины.

На мгновение эхо этих слов прозвучало так громко, что могло оглушить. Но оно длилось лишь мгновение. Все, кто стоял в этом золотом зале, были людьми с железными сердцами, которые могли не спасти даже своих родителей, жён и детей, не говоря уже о миллионах незнакомых людей.

<http://bllate.org/book/15272/1348104>